

Научная статья

JEL: K1

УДК: 343.7

DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.139.163

Расширение запретов в сфере финансовых услуг: объективная потребность или криминализационная избыточность?

Нина Юрьевна Скрипченко

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17,
n.scripchenko@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2445-2231>

Аннотация

Последовательная криминализация нелегальной деятельности, связанной с привлечением денежных средств населения, предоставлением потребительских кредитов, возвратом просроченной задолженности физических лиц в рамках самостоятельных составов ст. 172², 171⁵, 172⁴ Уголовного кодекса, актуализирует потребность оценки адекватности избранных государством мер реагирования на противоправные действия провайдеров финансовых услуг. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частно-научные методы (системно-структурный, формально-юридический и статистический) научного познания. Выявив предпосылки регламентации социально отклоняющегося поведения в рамках специальных норм и определив конструктивные признаки охватываемых ими составов, автор скептически оценивает перспективы реализации новых запретов и критикует использование резервов уголовного закона для регулирования соответствующих отношений. Универсальность общих норм, по мнению автора, обеспечивает уголовно-правовую защиту интересов потребителей финансовых услуг. Казуистичность определения преступного деяния, охватываемого ст. 172², исключает применение указанной нормы к трансформирующимся пирамидальным схемам привлечения денежных средств. Закладывая в конструкцию состава ст. 171⁵ преюдиционный элемент и игнорируя факторы, исключающие применение ст. 14.56 КоАП, законодатель блокировал реализацию

запрета в условиях распространенности правонарушений. Реализация авторских предложений в части изменения практики определения момента окончания правонарушения, предусмотренного ст. 14.56, и взыскания задолженности по договорам займа обеспечит неотвратимость ответственности ростовщиков, создав условия для сокращения соответствующего теневого сектора экономики без императивного регулятора. В статье отмечаются технико-юридические дефекты конструкции состава ст. 172⁴, влекущие неодинаковую правовую оценку и наказуемость объективно схожих деяний, совершенных легальными и нелегальными коллекторами, а также исключающие последовательную выдержанность нового запрета в повышенном порицании профессиональных участников финансового рынка. Оценивая решение законодателя об установлении ответственности за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности как криминализационно избыточное и необоснованно пенализированное, автор прогнозирует судебную депенализацию соответствующих действий.

Ключевые слова

уголовное право; финансовые услуги; привлечение денежных средств; незаконное предоставление потребительских кредитов; возврат просроченной задолженности; криминализационная избыточность.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Скрипченко Н.Ю. Расширение запретов в сфере финансовых услуг: объективная потребность или криминализационная избыточность? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 2. С. 139–163. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.129.163

Research article

Increasing Bans in Financial Services Field: An Objective Necessity or Criminalization Redundancy?

Nina Yu. Skripchenko

Northern (Arctic) Federal Lomonosov University, 17 Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk 163002, Russia,

n.skripchenko@narfu.ru <https://orcid.0000-0003-2445-2231>

Abstract

Consistent criminalization of illegal activities related to attracting funds from citizens, providing consumer loans, and repaying overdue debts of individuals within the framework of independent offenses of Articles 172.2, 171.5, and 172.4 of the Criminal Code actualizes the need to assess the adequacy of the measures chosen by the state to respond to the illegal actions of financial service providers. Using general (analysis and

synthesis, dialectics) and specific scholar methods (systemic-structural, formal legal, and statistical) of research knowledge to identify the determinism of socially deviant behavior regulation within framework of special norms and to determine constructive features of the offenses covered by them, the author is skeptical about prospects for implementing the new norms and criticizes the use of criminal law reserves to regulate the relevant relations. The casuistic nature of a criminal act definition covered by Article 172. 2 excludes application of this norm to transforming pyramid schemes for attracting funds. By incorporating into design of the offense of Article 171.5 a prejudicial element, without considering factors that exclude application of Article 14.56 of the Code of Administrative Offenses, the legislator has blocked the implementation of the ban in the context of the prevalence of offenses. The introduction of the amendments proposed by the author to the content of Article 14.56 and the revision of the law enforcement approach to determining the moment of termination of an administrative offense and debt collection under loan agreements will ensure the inevitability of liability of usurers and deprive them of profit, creating conditions for the reduction of the corresponding shadow sector of the economy and without an imperative regulator. Defining the composition of Article 172.4 of the Criminal Code as objectively similar to the composition of extortion imputed to collectors acting outside contractual relations, the legislator has deviated from the sample norm in determining the methods and qualifying features, which will entail different legal assessments and punishability of objectively similar acts, and also excludes consistent consistency of the new ban in increased censure of professional participants in the financial market. Assessing the legislator's decision to establish liability for illegal activity to recover overdue debt as criminally excessive and unreasonably penalized, the author predicts judicial de-penalization of the relevant actions.

Keywords

criminal law; financial services; organization of raising funds; illegal providing consumer loans; illegal returning overdue debts of individuals; criminalization redundancy.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Scripchenko N.Yu. (2025) Increasing Bans in the Financial Services Field: An Objective Necessity or Criminalization Redundancy? *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 2, pp. 139–163 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.139.163

Введение

Выступая индикатором состояния национальной экономики, финансовый рынок, обеспечивая перераспределение капитала, способствует решению социальных государственных задач, стимулирует деятельность кредитных организаций, выступающих основным инвестором производства и потребления. Увеличение объемов оборотных средств, доступность и широкий спектр монетарных инструментов, вовлеченность населения в экономические процессы свидетельствуют не только о прогрессивных социальных изменениях, но и таят угрозы финансо-

вой стабильности, обусловленные появлением на рынке финансовых услуг нелегальных и недобросовестных участников, деятельность которых подрывает доверие граждан к финансовым инструментам и имеет негативный социально-экономический эффект.

Признав недостаточным действующий правовой механизм противодействия противоправной деятельности, причиняющей вред не только частным интересам, но и интересам общества и государства, публичная власть использовала резервы уголовного закона, приняв в 2016 г. решение о криминализации организации деятельности «финансовых пирамид»¹, дополнив Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК) ст. 172². В 2021 г. в ранг преступной была возведена нелегальная деятельность по предоставлению потребительских кредитов (ст. 171³)², а в 2023 г. установлена ответственность за незаконную деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц в рамках специального состава ст. 172⁴ УК³.

Российские ученые постоянно критикуют необоснованную криминализацию деяний, влекущую наполнение главы 22 УК «мертвыми» нормами [Лопашенко Н.А., 2017: 84–93]; [Гладких В.И., 2021: 34] и разрушение системы уголовного закона [Лопашенко Н.А., 2018: 27–35]; [Рарог А.И., 2019: 95–103]; [Пикуров Н.И., 2018: 9]; [Кашепов В.П. и др., 2015: 265]. Это актуализирует потребность содержательного анализа новых норм, позволяющего оценить адекватность избранных мер государственного реагирования на нелегальные действия провайдеров финансовых услуг.

Автор, используя общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частно-научные методы (системно-структурный, формально-юридический и статистический) научного познания, выявляет детерминированность регламентации социально отклоняющегося поведения в рамках специальных норм, раскрывает содержание конструктивных признаков, предусмотренных в них составов, оценивает потенциал достижения охранительно-предупредительных задач, решаемых посредством уголовных запретов.

¹ Федеральный закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1908.

² Федеральный закон от 11.06.2021 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4233.

³ Федеральный закон от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5341.

1. Организация «финансовых пирамид»: обоснованность криминализации и перспективы реализации запрета

Высокая социально-экономическая значимость проблем, возникших в связи с появлением на рынке финансовых услуг нелегальных участников, потребовала расширения механизмов защиты интересов розничных инвесторов. Определив пресечение незаконной деятельности субъектов, привлекающих денежные средства граждан, в числе стратегических государственных задач⁴, решение которых позволит избежать повторения социальных конфликтов, обусловленных недовольством многочисленных обманутых вкладчиков⁵, публичная власть активизировала усилия в заданном направлении. Реализуемые меры⁶ позволили выявить пирамидальные схемы, отличающиеся от тех, которые распространились на отечественном рынке в конце прошлого века. В отличие от организаторов «классической» пирамиды, утаивавших от вкладчиков источник обещанного дохода либо дезинформирующих клиентов об успешной инвестиционной деятельности, обеспечивающей высокую доходность вложенных средств, участники новой пирамидальной модели не скрывали

⁴ О необходимости активизации борьбы с безлицензионным привлечением денежных средств населения, а также с финансовыми пирамидами как одной из разновидностей этой деятельности, указано в разделе IV Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.12.2008 № 2043-р // СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423.

⁵ В первой половине 1990-х гг. в России было создано около 1800 финансовых пирамид, среди которых выделялись 11 крупнейших: «Русский дом Селенга», «Хопер-Инвест», «Властелина», «Русская недвижимость», «Тибет», «МММ», Банк «Чара», «Гермес-Финанс», «АВВА», «Олби-Дипломат», «Л.Е.Н.И.Н.» с общим числом участников, превышающим 25 млн. человек. Ущерб от их «деятельности» оценивается в сумму, превышающую 40 трлн. руб. А.Я. Аснис выделяет существовавшую в 1993—1998 гг. с использованием правовых и административных ресурсов Минфина и Центробанка финансовую пирамиду государственных краткосрочных бескупонных облигаций Российской Федерации (ГКО), которая функционировала за счет постоянного увеличения ставки заимствований. Объявленный Россией в 1998 г. дефолт стал следствием невозможности выплатить более 272 трлн. руб. долга по ГКО при ставке в 300% годовых. При этом до настоящего времени никакой правовой оценки этой финансовой пирамиде и ее организаторам не дано (Аснис А.Я., 2016).

⁶ Законодательное расширение контрольно-надзорных полномочий Центрального банка Российской Федерации наделило указанный орган полномочиями выявления нелегальных участников финансового рынка. См.: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

от потенциальных вкладчиков перспективы получения обещанных процентов исключительно за счет привлечения новых клиентов, утрата которых не только не позволит получить доход, но и устранил организацию с рынка. Соответствующее информирование не только стимулировало вкладчиков к поиску партнеров, способных сделать денежный взнос, но и исключало обман в действиях организаторов, а, следовательно, и уголовное преследование за мошенничество — состав, вменяемый организаторам «классических» пирамид.

Появление новых криминальных схем обнажило незащищенность соответствующих отношений на фоне причиняемого им вреда. На решение соответствующей задачи был направлен проект Федерального закона, внесенный группой депутатов на рассмотрение нижней палаты парламента в 2013 г. и предусматривающий дополнение УК ст. 172¹, устанавливающей ответственность за создание финансовой пирамиды и (или) руководство ее деятельностью⁷. Технико-юридические недостатки проекта потребовали его доработки, так как предложенный состав преступления содержал признаки, отличающиеся нормативной неопределенностью⁸, и отсылал к отсутствующему законодательству⁹, а прямой запрет создания «некласси-

⁷ Проект Федерального закона от 02.07.2013 № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за создание финансовой пирамиды и (или) руководство ее деятельностью)» (указанный акт был снят с рассмотрения в 2016 г. в связи с отзывом инициаторами, обусловленном принятием акта, регулирующего аналогичные отношения). Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/307935-6> (дата обращения: 01.10.2023)

⁸ В отзыве Правительства на законопроект отмечен нехарактерный для уголовного закона оборот «объединение физических лиц», используемый при определении «финансовой пирамиды» в п. 1 примечаний к предлагаемой законопроектом ст. 172¹ УК. Это влечет нормативную неопределенность, требующую устранения в связи с угрозой унифицированной реализации закона, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС) (Постановления от 22.07.2002 № 14-П и от 06.04.2004 № 7-П). Подробнее см.: Паспорт проекта Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за создание финансовой пирамиды и (или) руководство ее деятельностью)». Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/307935-6> (дата обращения: 01.10.2023)

⁹ Отмечая бланкетный характер проектной нормы, Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС) в отзыве на законопроект указывает, что отсылая при определении «финансовой пирамиды» к другим правовым актам, устанавливающим допустимые критерии деятельности по привлечению денежных средств граждан на постоянной основе, инициаторы реформ не учитывают, что действующим отраслевым (подотраслевым) законодательством не конкретизированы критерии отграничения финансовых пирамид от иных организаций, занимающихся схожей

ческих» финансовые пирамиды актуализировал вопрос отнесения к пирамидам не ушедших с рынка «классических»¹⁰.

В 2016 г. с законодательной инициативой о криминализации организации «финансовых пирамид» в рамках специального состава выступило Правительство Российской Федерации, подготовившее законопроект о дополнении УК ст. 172². Усвоение инициатором замечаний, высказанных при согласовании схожего состава, предложенного тремя годами ранее, обеспечил оперативное принятие акта, расширившего перечень преступных деяний, посягающих на отношения в сфере экономической деятельности.

Описав в ст. 172² пирамидальную схему «перераспределения материальных благ» между ее участниками, законодатель сформулировал запрет, отличающийся сложным содержанием. Общественно опасное деяние определено в форме организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере (на сумму свыше 3,5 млн. руб.)¹¹. Доход «верхушки» пирамиды обеспечивается за счет активов новых вкладчиков. Отсутствие инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных средств в объеме, сопоставимом с объемом привлеченного капитала, обрекает «фундамент» пирамиды на утрату вложенных средств.

Нормативная констатация преступного деяния вызвала критические замечания ученых, негативно оценивших решение законодателя конкретизировать признаки состава посредством неопределенных терминов, открывающих широкую свободу судейского усмотрения («организация деятельности», «сопоставимый», «иная

по своему характеру деятельностью. См.: Паспорт проекта Федерального закона № 307935-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за создание финансовой пирамиды и (или) руководство ее деятельностью)». Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/307935-6> (дата обращения: 01.10.2023)

¹⁰ В отзыве ВС внимание сосредоточено на аргументации криминализации действий организаторов «неклассических» финансовых пирамид — невозможность привлечь их к ответственности за мошенничество, т.е. состав, вменяемый организаторам «классических» пирамид. При этом предложенная для закрепления в УК ст. 172¹ к финансовым пирамидам относит только одну их разновидность — «неклассические».

¹¹ Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменил примечание к ст. 170² УК, увеличил доход, образующий крупный размер с 2,25 млн. до 3,5 млн. руб.

деятельность») [Сердюк А.Ю., 2022: 32–33]. Сомнение вызвала и обоснованность ограничения круга потерпевших, исключающего реализацию ст. 172² в случаях привлечения денежных средств, принадлежащих органам государственной власти или местного самоуправления [Аснис А.Я., 2016: 28–29].

Оперативно реагируя на негативные коллизии практики, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 постановления от 30.11. 2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹² дал разъяснения, ориентирующие в соотношении составов ст. 159 и 172² УК. Исключив дополнительную оценку по ст. 172² действий мошенника, похитившего денежные средства, привлеченные для фактически нереализуемой инвестиционной цели, высший судебный орган отрицательно ответил на вопрос о частичной декриминализации и депенализации мошеннических пирамидальных схем посредством перевода их в состав ст. 172², но не дал четких ориентиров, позволяющих дифференцировать смежные составы. В качестве критериев дифференциации смежных составов Пленум указал лишь один — направленность умысла виновного.

Интенсификация обжалования приговоров, осуждающих за мошенничество (ст. 159 УК) лиц, не вернувших значительному числу граждан денежные средства, взятые под проценты, потребовала от органов уголовной юстиции выявления обстоятельств, позволяющих обосновать вменение одного состава и исключить уголовно-правовую оценку деяния по норме, описывающей смежный состав. Решения, принятые судами в первые годы действия ст. 172², преимущественно апеллировали к характеру причиняемого вреда, определяемого на основании общественно опасных последствий. Ссылаясь на «имущественный ущерб, причинный лицам, чьи денежные средства привлечены»¹³, суды не усматривали оснований для переквалификации действий виновного на состав ст. 172², «не охватывающий последствия в виде имущественного вреда»¹⁴.

По мере аккумулирования эмпирического материала мотивировочная часть судебных актов дополнилась оценкой субъективных признаков, допуская вменение ст. 172² только в случаях «привлече-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда. РФ. 2018. № 2.

¹³ См., напр.: постановление Президиума Белгородского областного суда от 26.10.2016 по уголовному делу № 4У-492/2016 // СПС Консультант Плюс.

¹⁴ Там же.

ния денежных средств от лиц в нескрываемых от вкладчиков целей исключительного либо преимущественного погашения задолженности перед ними и выплаты им дохода за счет привлеченных в последующем средств других вкладчиков». Соккрытие от вкладчиков информации о пирамидальном характере деятельности или обман о перспективах успешного инвестирования привлеченных средств определяет мошенническую схему, посягающую исключительно на имущество вкладчиков¹⁵.

Определившись с критерием, лежащим в основе нормативной дифференциации ответственности за криминальное привлечение денежных средств населения — информирование «вкладчика» о пирамидальной модели деятельности заемщика, — практика стала обретать унифицированный характер, сохранив лидирующую позицию ст. 159 среди осужденных нелегальных участников финансового рынка.

Эпизодическая реализация не только ст. 172²¹⁶, но и действующей с 2016 г.¹⁷ ч. 1 ст. 14.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП)¹⁸, предусматривающей ответственность за схожие действия, не содержащие признаков уголовно наказуемого деяния, актуализирует вопрос необходимости обращения к резервам уголовного закона для регулирования соответствующих отношений. С одной стороны, криминализация организации деятельности по привлечению денежных средств населения обеспечила защиту общественных отношений от социально вредных посягательств, исключив применение закона по аналогии,

¹⁵ См., напр.: постановление Президиума Самарского областного суда от 29.06.2018 по уголовному делу № № 44У-185/2018; апелляционное определение Московского городского суда от 10.0.2023 по уголовному делу № 10-13307/2023 // СПС Консультант Плюс.

¹⁶ По данным судебного департамента при ВС РФ по ст. 172² УК в 2017 г. было осуждено 12 человек, в 2018 г. — 3, в 2019 г. — 1, в 2020 г. — 2, в 2021 г. — 0, в 2022 г. — 6, в 2023 г. — 3, в 2024 г. — 1. См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 — 2024 годы. Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». Available at: URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.05.2025)

¹⁷ Федеральный закон от 09.03.2016 № 54-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1481.

¹⁸ По данным судебного департамента при ВС РФ в 2017 г. было рассмотрено 11 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.62 КоАП, в 2018 г. — 7, в 2019 г. — 11, в 2020 г. — 27, в 2021 г. — 7, в 2022 г. — 44, в 2023 г. — 19, в 2024 г. — 33. См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017–2024 годы. Форма № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». Available at: URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.05.2025)

с другой — использовала уголовный закон для решения частных задач, наполнив указанный акт прецедентными нормами.

Казуистичность определения преступного деяния исключит применение ст. 172² к трансформирующимся пирамидальным схемам привлечения денежных средств, что, на взгляд автора, дает повод для критической оценки решения законодателя расширить перечень экономических преступлений. Заявленные задачи, достигаемые посредством реформ, — защита интересов потребителей финансовых услуг, элиминирование их нелегальных провайдеров, а также поддержание социального доверия к финансовым инструментам, — могут быть решены посредством реализации общих уголовно-правовых норм, например, ст. 172 «Незаконная банковская деятельность» или ст. 171 «Незаконное предпринимательство».

2. Незаконное предоставление потребительских кредитов: дефекты нормативного определения и пути их устранения

Реализация с 2016 г. нормативных положений, предъявляющих более жесткие требования к субъектам, оказывающим услуги потребительского кредитования, и строгий контроль Центрального банка над деятельностью кредиторов¹⁹ определили увеличение числа лиц, оказывающих финансовые услуги нелегально.

Рост процентных ставок по кредитам, ужесточение требований банков к заемщикам, региональная диспропорция в осуществлении банковского обслуживания обеспечили востребованность услуг ростовщиков, не обремененных ни контролем со стороны регулятора, ни налоговыми обязательствами. Признав недостаточным действующие пресекательные меры, ограниченные административными санкциями, законодатель в целях «совершенствования регулирования деятельности микрофинансовых организаций и защиты прав потребителей финансовых услуг»²⁰, принял в 2021 г. решение о кри-

¹⁹ С 29.03.2016 вступил в силу Федеральный закон от 29.12.2015 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», которым внесены изменения в Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», предусматривающие усиление мер регулирования на рынке микрофинансирования.

²⁰ Проект Федерального закона № 237666-7 был внесен в Государственную Думу 28.07.2017. См.: Паспорт проекта Федерального закона № 237666-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессу-

минализации незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), дополнив УК ст. 171⁵. Именно защита частных интересов определена в качестве приоритетной цели принятия соответствующего акта. Общественную опасность соответствующих действий инициатор реформ обосновывал размером заемных средств, выданных нелегальным кредитором, определив его как крупный и преюдиционный элемент.

Формально ни цель, обеспечиваемая расширением уголовно-правовых запретов, ни обоснование степени общественной опасности действий, возводимых в ранг преступных, не вызывает сомнений. Но содержательный анализ новой нормы позволяет не только скептически оценить перспективы ее реализации, но и усомниться в необходимости использования резервов уголовного закона для регулирования соответствующих отношений.

Даже беглое ознакомление с текстом ст. 171⁵ дает основание для упрека новой нормы в части технико-юридического оформления. Конкретизируя нарушаемый федеральный закон и детализируя основания наделения субъекта полномочиями руководителя коммерческой организации, законодатель не только отступает от правил юридической техники, ориентирующих на сочетание четкости и точности нормативных предписаний с гибкостью и емкостью правовых конструкций [Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И., 2014], но и дезориентирует правоприменителя в содержании уголовно-правового запрета. Анализ конструктивных признаков рассматриваемого состава вкупе с эмпирикой смежного административного деликта, от применения которого зависит реализация ст. 171⁵, позволяет прогнозировать низкий практический потенциал уголовного запрета.

Закрепляя в качестве кримиообразующих признаков отсутствие у субъекта, выдающего потребительские кредиты (займы) соответствующих полномочий, наказанность «кредитора» по ч. 2 ст. 14.56 КоАП и крупный размер (свыше 3,5 млн. руб.) выданных средств, законодатель игнорировал факторы, исключаящие применение ст. 14.56 в условиях увеличения круга лиц, оказывающих услуги потребительского кредитования нелегально.

В частности, в рамках мероприятий, направленных на выявление недобросовестных практик на микрофинансовом рынке со-

альный кодекс Российской Федерации (о введении ответственности за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов)» // СПС Консультант Плюс.

трудниками Центрального банка²¹, выявляются предприниматели, систематически предоставляющие гражданам потребительские кредиты от имени физического лица. Не относясь к числу субъектов, предусмотренных ст. 4 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»²² (далее — Закон о потребительском кредите)²³, указанные лица не могут выступать в качестве участников регулируемого финансового рынка, но, заключая кредитный договор от имени физического лица, ростовщики находятся вне юрисдикции ст. 14.56 КоАП, устанавливающей ответственность только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Фактическая регистрация нелегалов в качестве индивидуальных предпринимателей²⁴ «защищает» от преследования по ч. 1 ст. 14.1 КоАП, наказывающей за предпринимательскую деятельности без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а исключительно корпоративный субъектный состав профессиональных кредитов устраняет ростовщиков из числа лиц, которые могут претендовать на получение соответствующей лицензии, выводя и из сферы применения ч. 2 ст. 14.1, устанавливающей ответственность за предпринимательскую деятельность без лицензии.

²¹ Сотрудниками отдела безопасности Отделения по Архангельской области Северо-Западного главного управления Центрального банка реализуется комплекс мероприятий, включающих мониторинг Интернет-ресурсов, рекламных объявлений, проверочные закупки, анализ документов, направленных на выявление недобросовестных практик на рынке финансовых услуг региона.

²² Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

²³ В соответствии со ст. 4 Закона о потребительском кредите в качестве кредиторов регулируемого финансового рынка могут выступать только юридические лица: кредитные организации и некредитные финансовые организации в случаях, определенных федеральными законами об их деятельности. К кредитным относятся коммерческие организации, осуществляющие свою деятельность на основании специального разрешения (лицензии) Банка России, а к некредитным — организации, сведения о которых внесены в его реестры. Действующее законодательство к числу некредитных займодавцев относит ломбарды (ст. 2 Федерального закона от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах»), микрофинансовые организации (ст. 2 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»), сельскохозяйственные кооперативы (ст. 1 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации») и кредитные потребительские кооперативы (ст. 3 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»).

²⁴ Как правило, регистрируются в качестве предпринимателей для занятия деятельностью по классификации ОКВЭД: 64.92.3. Деятельность по предоставлению денежных ссуд по залог недвижимого имущества.

Действуя вне контроля Банка России, нелегальные кредиторы зачастую устанавливают в договоре процентную ставку, превышающую предельное значение, установленное законом, обременяют должников повышенными штрафными санкциями. При этом нелегальный характер деятельности не лишает ростовщиков государственной защиты «нарушенных прав». Обращаясь в суд с требованием о взыскании задолженностей с «недобросовестных» заемщиков, «кредиторы» во всех случаях выигрывают процесс, взыскивая с должников посредством судебных приставов-исполнителей не только суммы займа, проценты за пользование денежными средствами, неустойку за нарушение сроков возврата кредита, но и индексированные судом суммы кредиторской задолженности. Даже в тех единичных случаях, когда суды устанавливают «деятельность истца вне профессионального финансового института, которому законом предоставлено право осуществлять ссудную деятельность в отношении населения»²⁵, отказ в исковых требованиях ограничивается только в части сумм, превышающих легально установленный процент за пользование заемными средствами. Выявленный незаконный характер действий предпринимателей-истцов не влечет преследования по ст. 14.56 КоАП, так как взыскатели обращаются в суд не ранее чем через год со дня заключения договора, исключая порицание своей деятельности в связи с истечением срока давности.

Нормативная рассогласованность в определении субъекта в смежных составах правонарушений существенно ограничит практическую реализацию ст. 171⁵ и в отношении руководителей коммерческих организаций, незаконно выдающих кредиты, так как допускаемая ст. 14.56 возможность привлечения к ответственности юридического лица позволяет руководителю избежать уголовного преследования в силу отсутствия наказания в административном порядке. Если принять во внимание двойную административную прелюдию, закрепленную ст. 171⁵ в качестве криминообразующего признака, фактические сроки производства по уголовным делам, а также требуемый размер заемных средств, выданных дважды наказанным нелегалом, то перспективы уголовного порицания ростовщика, выявленного несмотря на означенные выше «препятствия», являются ничтожными в связи с высокой вероятностью истечения давностных сроков по первому административному деликту.

²⁵ Заочное решение Соломбальского районного суда Архангельска от 09.09.2020 по делу № 2-1056/2020. Available at: URL: <http://solombsud.arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.01.2022)

Бездействующий в условиях распространенности правонарушений, нормативный пресекательный механизм подрывает авторитет и престиж закона в целом, способствует формированию в обществе правового нигилизма и социальной напряженности.

Оценивая решение о криминализации незаконной деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) как необоснованное, расширяющее перечень мертвых уголовно-правовых норм, следует отметить, что сокращения соответствующего теневого сектора экономики и охраны интересов потребителей финансовых услуг можно добиться, не прибегая к резервам уголовного закона. Обеспечив неотвратимость ответственности нелегальных участников финансового рынка посредством выявления и устранения факторов, исключающих реализацию ст. 14.56, а также лишив ростовщиков гражданско-правовой защиты «нарушенных» прав, публичная власть добьется решения соответствующих задач и не только предупредит противоправную деятельность ростовщиков, но и снизит нагрузку на суды и органы, обеспечивающие принудительное исполнение судебных решений.

В частности, исключение из состава ч. 1 ст. 14.56 ограничений, касающихся субъекта, позволит привлечь к ответственности кредиторов — физических лиц. Учитывая при этом, что наказуемость незаконной деятельности по предоставлению потребительских займов связана с отсутствием контроля Банка России над деятельностью, затрагивающей публичные интересы, и не охватывает вред, причиняемый бюджету и конкурентам — легальным кредиторам, нарушители (физические лица) должны нести ответственность и за незаконную предпринимательскую деятельность по ч. 1 ст. 14.1.

В корректировке нуждается и правоприменительный подход к определению момента окончания правонарушения, предусмотренного ст. 14.56. В этой части следует обратить внимание на широкое легальное определение кредитора, которое охватывает хозяйствующего субъекта, предоставляющего потребительский кредит физическим лицам в целях, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности, а также лиц, получивших право требования к заемщику (п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)'). Следовательно, профессиональная деятельность по предоставлению потребительских займов включает и действия кредитора, направленные на взыскание в судебном порядке с физических лиц (должников) задолженности по основному долгу и процентов в рамках ранее заключенных договоров потребительского займа, а также дальнейшее предъявление исполнительных

документов для организации принудительного исполнения. Все это дает основание для «переноса» момента окончания незаконного осуществления профессиональной деятельности по предоставлению потребительских кредитов с даты заключения договора потребительского кредита (займа) на день предъявления кредитором исполнительных документов для организации принудительного исполнения судебных решений о взыскании соответствующей задолженности.

Формирование практики, исключаящей «интересы» нелегального кредитора из сферы государственной защиты, не только предупредит нелегальную деятельность ростовщиков, но и снизит нагрузку на суды и органы, обеспечивающие принудительное исполнение судебных решений, а также создаст условия для снижения уровня «закредитованности» населения.

3. Незаконная коллекторская деятельность: социальная потребность криминализации и перспективы реализации запрета

Наметившаяся с 2011 г. трансформация сберегательной модели социального поведения в потребительскую актуализировала проблему возврата просроченной задолженности, к решению которой подключились субъекты, занимающиеся внесудебным взысканием долгов. Использование новыми участниками финансового рынка «примитивных», но действенных с точки зрения достижения поставленной цели методов психологического и физического давления на должников дискредитировало коллекторскую деятельность, которая стала ассоциироваться у граждан не с профессиональным взысканием долга, а с криминалом²⁶. Социально-экономическая значимость

²⁶ Отмечая рост фактов агрессивно-насильственного воздействия на лиц, имеющих просроченную задолженность, со стороны коллекторских организаций, обусловленный отсутствием государственного контроля над субъектами, занимающимися возвратом долгов во внесудебном порядке, и действенного механизма защиты интересов должников, Уполномоченный по правам человека в РФ в докладе за 2015 год предложил существенно ограничить (вплоть до полного запрета) право кредитных организаций переуступать долг третьим лицам или поручать им взыскание задолженности до принятия федерального закона, упорядочивающего или отменяющего деятельность коллекторских агентств. См.: Российская газета. 2016. 24 марта. Соответствующая инициатива нашла отражение в проекте Федерального закона № 982764-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» (внесен Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 26.01.2016; снят с рассмотрения), и проекте Федерального закона № 977088-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по во-

решения проблем возврата просроченной задолженности обусловила сохранение частных лиц среди субъектов взыскания долгов, но государство установило контроль над деятельностью коллекторов, определило общие правила совершения действий, направленных на возврат долгов, нормативно ограничило способы взаимодействия с должником.

В «пакет коллекторских законов», принятых в 2016 г.²⁷, входил и проект акта, устанавливающего уголовную ответственность за «превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности». Однако технико-юридические изъяны проекта и слабая обоснованность необходимости применения «крайних средств государственного реагирования на правонарушающее поведение»²⁸ отложили принятие соответствующего документа. В 2020 г. вопрос об установлении уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов вновь был включен в повестку Государственной Думы, одоблившей спустя три года акт, дополнившего УК ст. 172⁴.

Увязывая преступный характер незаконной деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц не с нелегальной деятельностью «взыскателя», а со способами воздействия

просу исполнения обязательства по договору потребительского кредита (займа)» (внесен группой депутатов Государственной Думы 19.01.2016; снят с рассмотрения). Available at: URL: <https://www.asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения: 18.07.2023)

²⁷ См.: Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 246-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.33 части второй Налогового кодекса РФ в связи с принятием Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4163, 4164, 4179.

²⁸ Подробнее см.: Официальный отзыв Правительства РФ от 25.01.2016 № 8849п-п4 на проект Федерального закона № 51807-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности» (снят с рассмотрения). Available at: URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2023)

на должника, законодатель определил объективную сторону нового состава максимально схоже с составом вымогательства (ст. 163 УК), вменяемого на практике лицам, «выбивающим» долги без официального оформления прав кредитора²⁹. До специального регулирования незаконные действия коллекторов квалифицировались по ст. 330 УК и по нормам о преступлениях против личности или против собственности в случаях причинения физического и имущественного вреда³⁰. Дополнение УК ст. 172⁴ повлекло криминализацию и пенализацию неправомерных действий лиц, занимающихся возвратом просроченной задолженности на профессиональной основе. Новый состав не только расширил круг преступных деяний и не относит последствия к обязательным объективным признакам³¹, но и устанавливает санкции строже, нежели ст. 330, 163 и 286 УК.

К числу преступных новая норма относит действия, направленные на возврат просроченной задолженности, сопряженные с угрозой уничтожения или повреждения имущества и (или) угрозой распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство должника или его близких³². Не вдаваясь в полемику насчет обоснованности столь серьезной переоценки социальной вредности указанных действий³³, сопровождающих, по сути, законные требования, обратимся к содержанию криминообразующих признаков нового состава. Формулируя новый состав объективно схоже с составом вымогательства, законодатель отступил от нормы-образца в определении шантажа. В отличие от состава ч. 1 ст. 163, определяющего указанный способ как «угрозу распространения сведений,

²⁹ См., напр.: приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 28.07.2020 по уголовному делу № 1-307/2020; приговор Автозаводского районного суда Нижнего Новгорода от 22.01.2020 по уголовному делу № 1-182/2019; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2023 по уголовному делу № 77-382/2023 // СПС Консультант Плюс.

³⁰ См., напр.: приговор Ленинского районного суда Курска от 17.06.2022 по уголовному делу № 1-492/24-2022; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного от 04.05.2022 по уголовному делу № 22-1125; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2022 по уголовному делу № 77-6897/2022 // СПС Консультант Плюс.

³¹ Состав ст. 330 УК предусматривает последствия (существенный вред) в качестве обязательного объективного признака.

³² До закрепления ст. 172⁴ действия коллекторов, «выбивающих» долги под угрозой распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство должника или его близких, образовывали состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.57 КоАП.

³³ Преступление, описанное в ч. 1 ст. 172⁴, относится к преступлениям средней тяжести.

позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких», состав ст. 172⁴ ограничивает содержание угроз, предъявляя к позорящим сведениям требования об их ложном характере и исключая угрозу придания огласки сведений, тайность которых значима для потерпевшего.

Нормативная рассогласованность в определении смежных составов повлечет неодинаковые правовые оценки объективно схожих деяний: нелегал, угрожающий должнику распространением позорящих сведений, подлежит ответственности по ст. 163 УК, а легальный участник финансового рынка — по ст. 14.57 КоАП. Между тем в последние годы отмечается рост вымогательства, сопровождаемого угрозами распространения сведений об интимных сторонах жизни потерпевшего [Соловьев В.С., 2017: 60-64].

Положительная динамика указанных форм шантажа позволяет прогнозировать их востребованность и для стимулирования возврата просроченной задолженности. Выявленное нормативное ограничение в определении способа, образующего объективную сторону состава ст. 172⁴, исключит указанный запрет из арсенала норм, вменяемых коллекторам, актуализируя потребность корректировки закона, которая обеспечивает наказуемость социально вредных деяний и реализацию принципа справедливости (ст. 6 УК).

Отсутствие унификации в определении квалифицированных и особо квалифицированных признаков в составах ст. 163 и 172⁴ исключает последовательную выдержанность нового запрета в повышенном порицании профессиональных участников финансового рынка. Установив в ч. 1 ст. 172⁴ санкцию строже (до 5 лет лишения свободы), чем санкцию ч. 1 ст. 163 (до 4 лет лишения свободы), законодатель за посягательства, совершаемые группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 172⁴, п. «а» ч. 2 ст. 163) определил единую максимальную границу наказания (до 7 лет лишения свободы). Действия нелегалов в организованной группе наказуемы строже (санкция п. «а» ч. 3 ст. 172⁴ — до 10 лет лишения свободы, а санкция п. «а» ч. 3 ст. 163 — до 15 лет). Применение насилия наказуемо в рамках единого максимального предела (до 7 лет лишения свободы) в случаях, не влекущих причинением вреда здоровью должнику (п. «б» ч. 2 ст. 172⁴, п. «в» ч. 2 ст. 163). Умышленное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью должнику влечет более строгое наказание для коллектора (п. «б» ч. 3 ст. 172⁴ — до 10 лет, п. «в» ч. 2 ст. 163 — до 7 лет), а тяжкого вреда здоровью — нелегалу (п. «б» ч. 3 ст. 172⁴ — до 10 лет, п. «в» ч. 3 ст. 163 — до 15 лет).

Еще больший диссонанс санкций прослеживается в законодательной оценке степени общественной опасности рассматриваемых деяний исходя из суммы «возвращаемых» долгов. Разница в критериях, установленных для определения крупного и особо крупного размера в преступлениях против собственности³⁴ и в сфере экономической деятельности³⁵, исключает единое содержательное наполнение соответствующих признаков в анализируемых смежных составах. Критически оценивая выявленную дистанцию в наказуемости схожих деяний, следует отметить, что законодательный учет рассматриваемого объективного признака для дифференциации уголовной ответственности профессионального участника финансового рынка влечет отступление от принципов вины и справедливости, поскольку законный характер требований по возврату просроченной задолженности увязывает степень общественной опасности действий коллектора исключительно с размером просроченной задолженности потерпевшего.

Устанавливая квалифицирующие признаки в рамках состава ст. 172⁴, законодатель закрепил признак, отсутствующий в арсенале состава ст. 163 УК и предусматривающий более строгое наказание за действия, направленные на возврат просроченной задолженности, совершенные с уничтожением или повреждением имущества (п. «в» ч. 2 ст. 172⁴). Не относя размер причиненного вреда к числу обязательных признаков указанного состава, законодатель допускает возможность вменения его в случаях причинения незначительного материального ущерба, выразившего, например, в повреждении одежды должника вследствие захвата «за грудки», порчи входной двери квартиры должника надписями и изображениями и т.п. Карательный потенциал санкции указанной нормы³⁶, превышающий наказуемость умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, ставит под сомнение обоснованность такой квалификации, учитывая отнесение значительности ущерба к обязательным признакам состава ч. 1 ст. 167 УК.

Выявленные нормативные изъяны в определении состава ст. 172⁴ не столь важны, чтобы заблокировать применение новой нормы, оперативное же реагирование высшей судебной инстанции на во-

³⁴ В соответствии с п. 4 примечания к ст. 158 УК крупным признается размер, превышающий 250 тыс. руб., а особо крупный — 1 млн. руб.

³⁵ В соответствии с примечанием к ст. 170² УК крупным признается размер, превышающий 3,5 млн. руб., а особо крупный — 30,5 млн. руб.

³⁶ Деяние, охватываемое ч. 2 ст. 172⁴, относится к числу тяжких преступлений.

просы, возникающие при ее реализации, создадут условия для унифицированного правоприменения. Однако практика диагностирует, на наш взгляд, не технико-юридические дефекты анализируемого состава, а криминализационную избыточность. Реализация «пакета коллекторских законов»³⁷ и государственный контроль за деятельностью лиц, занимающихся возвратом задолженности, позволяют не только констатировать наличие правового механизма защиты должников от недобросовестных действий взыскателей, но и признать его пользу. Отмечая действенность контроля, ограничений и запретов, оперативно применяемых санкций, способствующих изменению стиля общения коллекторов с должниками, специалисты констатируют диспропорцию в правовых гарантиях граждан-должников, так как нормативно установленные дополнительные меры защиты не распространяются на отношения первоначальных кредиторов и должников, должников по услугам ЖКХ [Милохова А.В., 2019: 50], должников-предпринимателей.

Принятие в указанных условиях акта, относящего незаконные действия коллекторов к специальному запрету, нарушение которого порицается строже схожих действий, совершаемых не только кредиторами и нелегальными взыскателями, но и должностными лицами, усиливает нарушение баланса в соответствующей сфере отношений. В пояснительной записке к законопроекту приводятся данные, отражающие увеличение преступных посягательств лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности на профессиональной основе³⁸. Эти данные обосновывают, по мнению инициатора реформ, потребность специального уголовно-правового регулирования.

На взгляд автора, указанная информация свидетельствует о снижении латентности соответствующих нарушений, неотвратимость же государственного порицания, обеспеченная оперативным реагированием контрольных органов на противоправные действия коллекторов, сигнализирует о позитивных сдвигах в соответствующей

³⁷ В частности, нормы Федерального закона «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» предъявляют жесткие требования к субъектам, занимающимся возвратом просроченной задолженности на профессиональной основе, устанавливают ограничения и запреты по способам взаимодействия взыскателя с должником. Нарушения указанного закона влечет применение строгих санкций, предусмотренных КоАП.

³⁸ В пояснительной записке к законопроекту приводятся данные, отражающие ежегодное увеличение числа обращений в ФССП России в связи с угрозами в адрес должников или третьих лиц. В 2019 г. было зарегистрировано 2007 подобных обращений, направленных в органы внутренних дел, в 2020 г. — 2083, а в 2021 г. — 2942.

щем сегменте рынка финансовых услуг, достигнутых позитивным регулированием. Решая задачу не только расширения правовых гарантий прав граждан-должников, но и повышения социального доверия к субъектам, оказывающим услуги по возврату просроченной задолженности, законодатель, на наш взгляд, принял решение, потребность в котором уже отпала. Опыт реализации закона свидетельствует, что криминализационная избыточность ведет к судебной депенализации [Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е., 2022: 158–159]; [Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М., 2021: 180]; [Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М., 2020: 80]. Разновекторность легальной и судебной оценок общественно опасных деяний снижает авторитет уголовного закона как регулятора общественных отношений, усиливая правовой нигилизм.

Заключение

Наметившееся в последние годы поступательное расширение составов, устанавливающих ответственность за нелегальную деятельность, связанную с привлечением денежных средств населения (ст. 172² УК), предоставлением потребительских кредитов (ст. 171⁵), возвратом просроченной задолженности физических лиц (ст. 172⁴), де-юре свидетельствует о формировании комплексного уголовно-правового механизма, направленного на защиту интересов потребителей всего спектра финансовых услуг, уязвимость которых возрастает в связи с усилением негативного влияния на отечественную экономику кризисных явлений на мировом валютно-финансовом рынке, внешнего санкционного давления и изоляции.

Анализ новых норм позволяет не только скептически оценить перспективы их реализации, но и усомниться в необходимости использования резервов уголовного закона для регулирования соответствующих отношений.

Казуистичность определения преступного деяния, охватываемого ст. 172², исключит применение указанной нормы к трансформирующимся пирамидальным схемам привлечения денежных средств. Задачи, решаемые посредством криминализации действий, направленных на организацию финансовых пирамид — защита интересов потребителей финансовых услуг, элиминирование их нелегальных провайдеров, а также поддержание социального доверия к финансовым инструментам, — могут быть решены посредством реализации общих уголовно-правовых норм, запрещающих незаконную банковскую деятельность.

Нормативное определение преступного деяния, охватываемого ст. 171⁵, дефектно не только в части соблюдения правил юридической техники, но и содержания кримиообразующих признаков, «блокирует» реализацию указанной нормы в условиях увеличения числа лиц, оказывающих услуги потребительского кредитования нелегально. Закладывая в конструкцию состава данной статьи преюдиционный элемент, не видя факторов, исключающих применение ст. 14.56 КоАП, законодатель не только не достигает задач, преследуемых криминализацией незаконного предоставления потребительских кредитов, но и дает повод для негативного социального отношения к закону.

Сокращение теневого сектора экономики и охрана интересов потребителей финансовых услуг могут быть достигнуты и без императивного регулятора. Внесение предложенных автором изменений в содержание ст. 14.56, а также пересмотр правоприменительного подхода к определению момента окончания правонарушения, предусмотренного указанной нормой, обеспечит неотвратимость административной ответственности нелегальных участников финансового рынка. Формирование практики, исключаящей «интересы» нелегального кредитора из сферы государственной защиты (посредством отказа во взыскании сумм, превышающих заемные средства) не только предупредит нелегальную деятельность ростовщиков, но и снизит нагрузку на суды и органы, обеспечивающие принудительное исполнение судебных решений, а также создаст условия для снижения уровня «закредитованности» граждан.

Дополнение УК ст. 172⁴ повлекло криминализацию и пенализацию неправомерных действий лиц, занимающихся возвратом просроченной задолженности на профессиональной основе. Формулируя новый состав объективно схоже с составом вымогательства, вменяемого коллекторам, действующим вне договорных отношений, законодатель отступил от нормы-образца в определении способов и квалифицирующих признаков. Это повлечет разноречивую в правовой оценке и наказуемости объективно схожих деяний.

Отсутствие унификации в определении квалифицированных и особо квалифицированных признаков в составах ст. 163 и 172⁴ исключает последовательную выдержанность нового запрета в повышенном порицании профессиональных участников финансового рынка и усиливает дисбаланс в правовых гарантиях граждан-должников, на которых не распространяются установленные законом дополнительные меры защиты.

Оценивая решение законодателя об установлении ответственности за незаконную деятельность по возврату простроченной задолженности в рамках специального состава как криминализационно избыточное и необоснованно пенализированное, автор прогнозирует судебную депенализацию соответствующих действий, что таит угрозу роста правового нигилизма.

Список источников

1. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Том. 15. № 5. С. 139–161.
2. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21–29.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 26–40.
4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и судебная власть. М.: РГУП, 2020. 96 с.
5. Бархатова Е.Н., Вакутин А.А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 82–90.
6. Гладких В.И. Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи): объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34–40.
7. Кашепов В.П. (общ. ред.) Гуманизация современного уголовного законодательства. М.: Норма, 2015. 336 с.
8. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника. М.: Юстицинформ, 2014. 595 с.
9. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27–35.
10. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–93.
11. Милохова А.В. Правовой механизм защиты физических лиц при взыскании просроченной задолженности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 4. С. 47–53.
12. Пикуров Н.И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 9–18.
13. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Взаимоотношения судебной и законодательной власти в контексте уголовной политики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 153–185.
14. Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95–103.

15. Сердюк А.Ю. Особенности объективной стороны организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ) // Российский судья. 2022. № 10. С. 30–34.

16. Соловьев В.С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.\

References

1. Andrianov V.K., Pudovochkin Yu. E. (2022) Patterns of development and functioning of institution of exemption from criminal liability. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 15, no. 5, pp. 139–161 (in Russ.)
2. Asnis A. Ya. (2016) Some issues of liability for organizing financial pyramids. *Advokat*=Advocate, no. 11, pp. 21–29 (in Russ.)
3. Babaev M.M., Pudovochkin Yu. E. (2021) Crime and judicial criminal policy. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 26–40 (in Russ.)
4. Babaev M.M., Pudovochkin Yu. E. (2020) Criminal policy and judiciary. Moscow: RGUP Press. 96 p. (in Russ.)
5. Barkhatova E.N., Vakutin A.A. (2019) Distinguishing fraud in business from related crimes and civil torts. *Rossiyskij yuridicheskij zhurnal*=Russian Law Journal, no. 5, pp. 82–90 (in Russ.)
6. Gladkikh V.I. (2021) Criminal liability of arbitrator: objective necessity or another stillborn norm? *Rossiyskij sud'ya*=Russian Judge, no. 3, pp. 34–40 (in Russ.)
7. The Humanization of the Modern Criminal Law (2015) V.P. Kashepov, ed. Moscow: Norma, 336 p. (in Russ.)
8. Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. (2014) Legal technology. Textbook. Moscow: Justitsinform, 595 p. (in Russ.)
9. Lopashenko N.A. (2018) Crimes in the sphere of economic activity: about ruins of the criminal law. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 2, pp. 27–35 (in Russ.)
10. Lopashenko N.A. (2017) Reducing repressiveness of criminal law: proposed measures and their assessment. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 84–93 (in Russ.)
11. Milokhova A.V. (2019) Legal mechanism for protecting individuals when collecting overdue debts. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 4, pp. 47–53 (in Russ.)
12. Pikurov N.I. (2018) Predicting results of the new criminal law. *Zakony Rossii*=Laws of Russia, no. 2, pp. 9–18 (in Russ.)
13. Pudovochkin Yu. E., Babaev M.M. (2021) The relationship between the judicial and legislative powers in the context of criminal policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*=Bulletin of Perm University. Legal sciences, no. 1, pp. 153–185 (in Russ.)
14. Rarog A.I. (2019) Legislator's error: types, causes, means to correct it. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*=Current Issues of Russian Law, no. 4, pp. 95–103 (in Russ.)
15. Serdyuk A. Yu. (2022) Features of the objective side of organizing activities to attract funds and (or) other property. *Rossiyskij sud'ya*=Russian Judge, no. 10, pp. 30–34 (in Russ.)

16. Soloviev V.S. (2017) Revenge porn: the essence of the phenomenon and the problems of its criminal legal assessment. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 6, pp. 60–64 (in Russ.)

Информация об авторе:

Н.Ю. Скрипченко — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

N.Yu. Skripchenko — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to editorial office 04.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.